

СЕРГЕЙ
САМАРОВ

СПЕЦНАЗ ГРУ

***Инструктор
по убийству***

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Инструктор по убийству

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Самаров С. В.

Инструктор по убийству / С. В. Самаров — «Эксмо»,
2019 — (Спецназ ГРУ)

ISBN 978-5-04-105085-6

У бывшего полковника ГРУ Виктора Кукушкина и криминального авторитета по кличке Боб старые счеты. В свое время Боб даже пытался устранить Виктора с помощью киллера. Тогда спецназовцу удалось перехитрить бандита. Теперь авторитет готовит компромат на полковника, чтобы упрятать того за решетку. Но и Кукушкин не сидит сложа руки. Он узнает, что Боб охотится за сильным психотропным веществом, способным вызвать у человека буйное помешательство. Полковник решает с помощью этого препарата заманить противника в ловушку. Но детально продуманный план неожиданно дает сбой...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-105085-6

© Самаров С. В., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сергей Самаров

Инструктор по убийству

© Самаров С. В., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

На следующий день после захвата двух помощников уголовного авторитета с погонялом Боб мне предстояло выйти на службу. Естественно, я вынужден был съездить домой, чтобы взять с собой спортивную форму. Так уж вышло, что в последний раз мне было совсем не до этого. Тогда я как раз отправлял вертолетом в областную больницу раненую Тамару, мою жену. И состояние духа было неважное, и дом был полон посторонних людей, при которых мне не хотелось копаться в своем тряпье, выбирать что-то относительно подходящее.

Ну а на сей раз я выбрал синее кимоно, застиранное до состояния тонкой ткани, хотя когда-то она была плотная, местами даже простеганная стараниями Тамары, захватил с собой старые, привычные кроссовки и перчатки для смешанных единоборств. Из снарядов взял с собой только легкие гантели и резиновый бинт, запихал все это в спортивную сумку, с которой ходил на тренировки еще во времена службы в бригаде спецназа.

Туда же я уложил и боевой нож в ножнах. К сожалению, в сознании большинства людей, включая отдельных представителей спецназа, понятие «боевой нож» сформировалось под влиянием знаменитого ножа Рембо из нескольких американских боевиков. Но таким оружием в реальной боевой обстановке можно пользоваться только одним способом: надо бросить его в противника и ухитриться попасть рукояткой ему в лоб. Для настоящей схватки такая штукавина не годится.

Это обыкновенный нож выживания. Он даже пилу имеет в обухе. Я вполне могу себе представить, какие усилия следует приложить, чтобы, во-первых, воткнуть такой нож в противника, во-вторых, вытащить его для участия в дальнейшей схватке. Та самая пила на обухе не позволит это сделать.

Настоящий боевой нож должен быть, во-первых, легким и управляемым, во-вторых, обоюдоострым, хотя это тоже на любителя. А главное, он просто обязан быть очень острым.

Школа ножевого боя, адептом которой я являюсь, предпочитает множественные режущие удары вместо колющих, а основательный порез можно нанести только предельно острым ножом. Но само владение ножом в нашей школе основано на стиле вин-чун, то есть на максимальной защите и стремительном ответе на любую атаку. При этом нож должен быть как раз легким и хорошо управляемым.

А вопрос техники владения таким ножом я собирался объяснить тем людям, с которыми мне предстояло заниматься. Но обучение их, как я планировал, не должно было сводиться исключительно к рукопашному бою, хотя взяли меня как раз на должность инструктора по этой самой части. Я поставил себе задачу обучить офицеров спецназа ФСБ всем основам боевых действий.

Признаться, я чувствовал себя на своем месте, когда командовал разведротой. А когда с повышением в звании был переведен на штабную должность начальника отдела испытаний перспективных видов вооружения и оборудования, попросту скучал без солдат, которых раньше обучал. Поэтому, наверное, я и внес кое-какие изменения в работу этого отдела. Новое вооружение и оборудование теперь испытывалось в боевых условиях солдатами бывшей моей роты в моем присутствии. То есть я часто выезжал вместе с бойцами на самые настоящие боевые операции, если роте доводилось в них участвовать.

В итоге мне уже в штабной должности пришлось пять раз отправляться в полугодовую командировку на Северный Кавказ. И если раньше я бывал в основном в Чечне, то теперь мне пришлось посетить практически все республики Северного Кавказа, хотя чаще всего работать доводилось в Дагестане.

Все эти новинки носили экспериментальный характер и требовали испытаний в реальных боевых условиях. Предназначались они, естественно, и солдатам, и офицерам. Разница состо-

яла лишь в том, что офицерам изначально приходилось проходить курс обучения, а потом что-то объяснять солдатам.

С офицерским составом занимался я, поэтому был обязан прежде всего до малейших деталей изучить любую новинку, чтобы ответить на все вопросы, которые могут возникнуть во время испытаний. А кто лучше человека, лично работающего с той или иной штуковиной в условиях реального боя, может дать ей объективные характеристики, понять, что сделано так, а что следовало бы изменить?!

Мой предшественник на этой должности сам в командировки не ездил. Он по возвращении подразделения просто проводил опрос солдат и офицеров, использовавших новинки в деле.

На мой взгляд, это была порочная практика. Поэтому предшественник и был сменен.

Конечно, порой случается, что сразу после завершения той или иной операции подразделение возвращается в бригаду. Но это вовсе не есть устоявшаяся система. Чаще бойцы ждут, когда прилетит смена, и только потом уже отправляются на свою базу. Иногда это продолжается неделю, а то и больше. За это время что-то важное может забыться, что-то, что казалось сначала неудобным, потом перерастает в привычку. Но любое оружие изначально создается так, чтобы его можно было использовать любому человеку и при этом не испытывать особых неудобств.

Исходя из подобных предположений, я находился рядом с солдатами во время всех испытаний, собирал их отзывы и замечания, записывал пожелания, чтобы потом все это рассортировать, внести в дневник и отправить производителю. А еще более ценным, как мне казалось, было мое личное мнение. Может, это и выглядит слегка самонадеянно, но я со своим боевым опытом мог понять больше, чем рядовые солдаты. Поэтому я обычно сам принимал участие в испытаниях. Это казалось мне естественным, совершенно обязательным делом и сказывалось при заполнении дневника испытаний. Командирам взводов и рот приходилось полегче. Они обязаны были писать просто отзывы. Я их сортировал, анализировал, заносил в дневник самое важное, но этим не ограничивался, сами отзывы тоже прикладывал к дневнику.

Но любые испытания всегда начинались с ознакомления с предметом, то есть с теоретического курса, который я читал сам. Только дважды в моей практике случалось, что от производителя приезжал человек, который сам этим занимался и ставил задачи. Но несравнимо чаще это приходилось делать мне. Поэтому опыт преподавания я имел и надеялся привнести что-то свое в подготовку бойцов спецназа ФСБ.

Я собрал в сумку все необходимое, уже приготовился выйти из дома, когда в кармане заголосил телефон. На этот номер мог звонить только один человек.

Мне пришлось задержаться и ответить:

– Слушаю вас, товарищ полковник!

– Как настроение, Виктор Вячеславович?

– Боевое.

– Уже слышан про твои утренние подвиги. Полковник Альтшулер отправил донесение в Москву, в котором весьма лестно отозвался о твоих действиях. Собственное сообщение послал наверх и подполковник Балакирев, но оно ушло шифротелеграммой, потому мы не смогли его прочитать, хотя имеем текст.

– Что, даже лейтенант Холмогорский не в состоянии такую работу выполнить? – с легкой издевкой в голосе спросил я, помня, как гордится полковник Самохин мастерством своего хакера.

– Не может, – мрачно ответил тот.

Я и сам отлично знал, что современные коды расколоть практически невозможно. Солидные многоэтажные центры, набитые по всем стенам шкафами с вычислительной техникой, могут что-то разобрать только в том случае, если при шифровании текстов допускаются серьез-

ные нарушения. Хотя эти заведения, к счастью собственных сотрудников и своего командования, относительно легко справляются с кодограммами, имеющими значительно более слабую систему защиты, и уже этим окупают собственное содержание.

Тут надо сказать, что в армейской системе кодограммами отправляются документы, имеющие гриф не выше, чем «Секретно». Бумаги с грифами «Совершенно секретно» и «Особой важности» высылаются только шифротелеграммами. Но большая часть документации имеет низший гриф секретности, поэтому кодограммы используются значительно чаще.

Знал все это и полковник Самохин. Он просто не мог этого не ведать, поскольку в годы своей службы в спецназе ГРУ занимал более высокую должность, чем я. Но я понял, что серьезность его тона была вызвана моими словами о лейтенанте Холмогорском. Хотя у меня и в мыслях не было принизить заслуги этого офицера. Я и сам совсем недавно с успехом пользовался его умением.

– Я вот что звоню. – Валентин Юрьевич в очередной раз показал свою покладистость, решил не углублять тему, которую посчитал для себя болезненной, и перешел на другую.

– Слушаю вас, товарищ полковник.

– Ты как сейчас, не за рулем, не в дороге? Можешь разговаривать?

– Я еще дома. Только на выход собрался. Говорите. Слушаю вас.

– Завтра ты приступаешь к новой для себя работе.

– Так точно, товарищ полковник. В девять тридцать утра первая группа, в одиннадцать тридцать – вторая.

– Так у тебя две группы будет? Откуда они людей-то наберут?

– Полковник Альтшулер сказал, что сотрудники оперативного отдела заинтересовались такой возможностью. А я сам настоял, чтобы всех разбили на две группы. Мне так легче будет за бойцами следить, оценивать, кто как задание выполняет.

– Я вижу, ты серьезно за дело взялся. – В голосе полковника Самохина прозвучал укор.

– Я, товарищ полковник, к любому делу, порученному мне, отношусь только с полной серьезностью. Иначе просто не умею. Я с детства человек ответственный.

– Да, Виктор Вячеславович. В этом наша с тобой беда. Тебе приходится обучать людей, которые призваны тебя отлавливать. Выходит, что ты готовишь своих потенциальных противников, а делать это ты умеешь только на совесть, хотя их серьезная квалификация представляет опасность для тебя самого. Я понимаю, что и для настоящих врагов тоже, тем не менее это вполне может аукнуться и тебе самому. Ты настоящий профессионал, не способный относиться к делу с прохладцей. Этого я и опасаясь, хотя в твоих качествах не сомневаюсь нисколько.

– Я отлично понимаю, товарищ полковник, что ко мне будут присматриваться очень даже внимательно. Я теперь буду под боком у этих оперов, и им будет нетрудно заметить что-то, в чем я, как они надеются, проколюсь. Только я-то себя знаю, умею быть в нужные моменты особенно сильно сконцентрированным и промаха не допущу.

– При этом полковнику Альтшулеру рекомендуют взять тебя под особый присмотр еще с одной стороны. Опера ФСБ из команды офицеров, убитых уголовниками, уверены в том, что ты будешь плохо тренировать спецназ. Именно потому, что они тебя думают ловить. Правда, по моим данным, Альтшулер от такого предложения просто отмахнулся. Более того, он даже высказал мысль, что готов тебя привлечь к оперативным мероприятиям. Вот это было бы совсем неплохо, как я соображаю. Конечно, сначала к тебе присмотрятся, и если сочтут достойным, то, я думаю, слова Альтшулера станут вполне реальными. У нас, признаюсь, есть несколько своих людей в ФСБ. Но от оперативной деятельности они весьма даже далеки, технические специалисты. А иметь своего человека в оперативном отделе – это было бы здорово.

– Это было бы здорово, – согласился я довольно кислым тоном.

– Если только ты не надумаешь полностью перейти на сторону ФСБ, – строго сказал Валентин Юрьевич.

Он словно пожелал напомнить мне о том, что я пусть и отставной, но все же офицер военной разведки, которая традиционно не дружила ни с КГБ, ни с его преемницей в лице ФСБ. А сотрудничество с ФСО – это только маленький эпизод работы пенсионера. Временный, так сказать.

Я готов был с этим согласиться. Когда нам приходилось работать против внешнего врага, скажем, какой-то банды исламистов, прибывшей с Ближнего Востока или из Афганистана, мы часто объединяли силы с ФСБ и МВД. Внешний враг – он и есть внешний. А все внутреннее – это только межведомственные разборки.

Кроме того, я должен был помнить и еще одну вещь. Что рекомендовали меня для трудоустройства именно в головной службе ГРУ. Там отнеслись ко мне как к своему сотруднику, хотя и бывшему, но все-таки. Значит, в ГРУ меня еще не списали со счета совсем.

– Нет, не надумаю, товарищ полковник, – ответил я твердо.

Глава 2

В этот раз по пути в город я управлял машиной до безобразия прилично, думал даже, что при таком передвижении рискую от скуки заснуть за рулем и на самом легком повороте попросту вылететь с высокой насыпной дороги. Но засыпать мне не позволяло чувство ответственности. Если бы со мной что-то случилось, то трудно сказать, как смогла бы выжить моя жена. Тамаре требовался обязательный уход, который кроме меня никто не мог обеспечить.

Как только я успел добраться до асфальтированного шоссе, мне позвонил Алексей Алексеевич Мягков, наш куратор. Обычно он этого не делал, но на сей раз решил нарушить свое правило. Причина у него была достаточно серьезная – состояние здоровья Тамары.

– Спасибо. Вашими заботами она старается поправиться, – ответил я на его вопрос об этом.

– Это ты о чем? – настороженно спросил куратор.

– Ну так вашими стараниями ей вертолет выделили, – объяснил я не очень-то внятно.

– Ах да, я и забыл уже об этом. Мне, кстати, полковник Альтшулер звонил, интересовался, как я умудрился вертолет выпросить. Я ответил, что просто. Запросил Москву, дежурного по Главному управлению Генштаба. Мне уже через четыре минуты позвонили и сообщили, что вертолет готов к вылету. А откуда он взялся, какому ведомству принадлежал, я даже не знаю. Все в Москве решалось. Альтшулер, понятное дело, просто проверял тебя. Он, мне кажется, не перестает тебя подозревать в связи с господином Генераловым и уже знает, что Тамару вывозили после ранения на вертолете ФСО. Впрочем, это только мое мнение. Такой вывод я сделал на основании интонации, а не слов полковника.

– Извините, Алексей Алексеевич, но такие разговоры по телефону вести...

– Не переживай. Мой аппарат под контролем спутников ГРУ, как и всех, с кем я с него разговариваю. Если подключится прослушивание, то разговор сразу прервется. Так о чем я говорил? Ах да. Стало быть, Альтшулер подозревает, что Тамара была вывезена на вертолете ФСО...

В реальности дело обстояло не так, как было доложено полковнику Альтшулеру. Свой персональный вертолет выделил полковник Самохин, но я не мог раскрыть Альтшулеру свою связь с ним и сказал, что это сделал куратор. Самохин предупредил его об этом на случай возникновения вопросов со стороны ФСБ.

Хотя, в принципе, скрывать, что я знаком с Самохиным, особого смысла и не было. Мы элементарно не могли не знать друг друга, поскольку много лет служили вместе, в одной бригаде спецназа военной разведки. Альтшулеру совсем не трудно было это выяснить. Другое дело, что я вроде как не должен был быть в курсе насчет того, что полковник Самохин и господин Генералов – это одно и то же лицо.

Но военный пенсионер полковник в отставке Самохин не мог иметь персонального вертолета. Такая роскошь ему не полагалась. Он должен был ходить к куратору, отмечаться. Там мы с ним могли встретиться.

– Я вот что звоню, Виктор Вячеславович. Я получил запрос из Москвы. Как обстоит дело с вашим устройством на службу в ФСБ?

Я по наивности своей поверил, что он здоровьем Тамары интересуется, но высказывать какие-то претензии Алексею Алексеевичу не стал и ответил:

– Завтра выхожу на работу. Прямо с утра, после визита в областную больницу. Сейчас домой ездил, спортивную амуницию подбирал.

– Со стороны Альтшулера какие-то провокации были? Или хотя бы попытки таковых? Он же продолжает тебя подозревать!

– Нет. Все нормально. Был деловой разговор, да и все.

– В ГРУ надеются, что ты сумеешь зарекомендовать себя с наилучшей стороны и будешь привлечен к оперативной работе. Очень важно иметь своего человека в ФСБ. Так что ты уж постарайся, разведчик.

– Мы этот вопрос совсем недавно с полковником Самохиным обсуждали. Он придерживается того же мнения. Рекомендовал мне постараться.

– Тогда у меня все.

Я человек законопослушный, поэтому ради разговора с куратором выполнил предписание правил дорожного движения, остановился на обочине. Как раз когда завершал разговор, мимо меня проехала машина ДПС. Инспекторы внимательно посмотрели в мою сторону, для этого даже вперед наклонились и шеи вытянули. Но поскольку я не ехал и уже убирал телефон, они не остановились.

Я поехал за ними вслед, не обгоняя, хотя знаки на этом участке дороги позволяли двигаться быстрее. По крайней мере ограничений скорости тут не было. Но я, кажется, уже вошел во вкус вальяжной езды и даже начал получать от нее какое-то удовольствие.

На этом вот участке дороги я ни разу за несколько лет не встречал машин ДПС. Вероятно, после недавнего инцидента, в котором мы с Тamarой принимали самое непосредственное участие, причем с поддержкой двух инспекторов ГИБДД, дорога была взята под особый контроль. Соответствующие должностные лица, видимо, посчитали это место не самым спокойным.

Мне следовало иметь это в виду. Я ведь очень часто езжу здесь и обычно делаю это со значительным превышением допустимой скорости. Мне помогает мощная система стабилизации машины. У меня нет особой необходимости сбрасывать скорость перед поворотом.

Однако в этот раз я ехал не спеша, чем тоже вызвал подозрение инспекторов ДПС. Разве на них угодишь когда-нибудь! Они сначала добавили скорость, потом остановились и вышли из машины. Оба были с автоматами, в бронежилетах, поверх которых были наброшены другие, светоотражающие. Они часто заменяют у сотрудников ГИБДД традиционные армейские разгрузки, хотя и не имеют такого количества специальных карманов.

На Северном Кавказе я видел на инспекторах жилеты с карманами и под сумками, специально нашитыми с внутренней стороны, куда легко помещаются и запасные рожки для автоматов, и гранаты. Но в тех местах обстоятельства заставляют инспекторов дорожно-патрульной службы постоянно быть готовыми к бою. Там есть люди, которые не сильно разбираются, к какой именно службе относится тот или иной мент. Носит мундир и оружие, значит, подлежит уничтожению. Так думает любой бандит.

Наши, тутошние инспекторы еще не научились защищать себя в достаточной мере. Но им ведь и сталкиваться с вооруженными бандитами приходится несравнимо реже. Хотя, как говорит мой случай, такое все же иногда приключается.

Короче говоря, инспекторы покинули машину. Тот из них, который только что сидел за рулем, повел жезлом, дал мне команду припарковаться и остановиться на обочине. Так я и поступил.

Признаться, у меня было желание не послушаться команды, сделать вид, что готов остановиться, даже сигнал поворота включить, но тут же газануть. Инспекторы ни при каких обстоятельствах не смогли бы угнаться за мной на своем стареньком «жигуленке». Я скрылся бы уже за третьим или четвертым поворотом дороги за то время, в течение которого они добрались бы до первого. Но все машины ДПС радиофицированы, даже самые старые и разваливающиеся на ходу. Коллеги этих ребят обязательно перекрыли бы мне дорогу где-то дальше. Они выставили бы пару, если не тройку машин поперек дороги. А летать моя «Шевроле-Камаро» пока еще не научилась.

Но желание стражей дорожного порядка остановить меня для проверки было вполне прогнозируемым. Я предвидел такие их действия. Инспекторы кого останавливают? Кто нарушает правила, например, едет излишне быстро. Это совершенно естественно.

Однако эти ребята тормознут и тех водителей, которые ничего не нарушают, но в присутствии машины ДПС ведут себя как-то слишком уж хорошо. Такая вот излишняя осторожность обычно указывает на желание человека избежать контакта с инспекторами.

У меня такого стремления не было. Я просто ехал тихо, совсем не так, как могла перемещаться моя машина, и просто развлекался, честно говоря, немного, самую малость провоцировал сотрудников ДПС.

Провокация удалась. Они меня остановили.

Инспектор вальяжно подошел к моей двери. Я опустил стекло. Он козырнул, представился и потребовал у меня документы.

Прятать мне было нечего. Документы я протянул и стал, не скрывая усмешки, наблюдать за тем, как инспектор не столько их просматривал, сколько носом потягивал в надежде уловить запах спиртного.

– Что пили сегодня? – наконец спросил старший лейтенант, переложив все документы в левую руку, но не возвращая их мне.

– Я уже много лет ничего не пил, кроме чая и простой воды.

К нам подошел второй сотрудник ДПС, капитан. Первый передал ему в руки мои документы.

Тот тоже начал их рассматривать.

– Кукушкин... – заглянув в водительское удостоверение, вслух прочитал капитан.

Или он желал похвастаться, что читать умеет, или ему чем-то моя фамилия не понравилась. Я, честно говоря, не понял.

– Что-то фамилия твоя мне знакома. Ты случаем не в розыске? – проговорил это хам.

– Не тыкать мне, капитан! Чином не вышел еще. Я подполковник.

– Пусть так. А мы все равно проверим вас, товарищ подполковник, – сказал капитан.

Он тут же передал мои документы напарнику и вытащил телефон, демонстрируя свое желание куда-то позвонить для выяснения моей личности.

– А фамилия моя тебе знакома в результате вчерашних происшествий. У вас утром на оперативке должны были разбирать случай, когда вчера мне на помощь пришли два ваших коллеги с автоматами. Спасибо им. Ребята попались нормальные, вам не чета!

– Да, я помню, на оперативке утром разбирали этот инцидент, – сказал старший лейтенант и вернул мне документы.

Капитан убрал аппарат в карман, даже не попытавшись набрать номер.

– А что вы, товарищ подполковник, на такой крутой машине так медленно едете? – осведомился он.

– Я нарушил какие-то правила?

– Нет, но обычно...

– А я вообще человек необычный.

– Счастливого пути, товарищ подполковник, – сказал старший лейтенант и снова козырнул.

Видимо, он получал удовольствие от этого процесса.

Дальше я поехал так же неспешно, как и до этого, затылком чувствовал, как два инспектора ДПС провожали меня взглядами. Вернее сказать, не меня самого, а мою машину. Про нее, к моему удивлению, они так ничего и не спросили. Хотя порой менты останавливали меня специально для того, чтобы о ней поподробнее полюбопытствовать. Ведь для них такой автомобиль – предел мечтаний.

Все так же неторопливо я миновал стационарный пост ГИБДД, расположенный рядом с поворотом на райцентр. Там два инспектора с жезлами проверяли большегрузные фуры, а на меня вообще внимания не обратили.

Только после проезда этого поста я начал веселиться от всей души, сам себе показывал, на что способен мой «Камаро». Если раньше я рисковал уснуть за рулем, меня поддерживали только мысли о необходимости быть осторожным, то с набором скорости эти соображения совсем перестали посещать мою голову. При этом я не забывал о местах, где традиционно поджидают лихачей машины с инспекторами ДПС, в нужные моменты притормаживал, сбрасывал скорость и благополучно миновал все засады. Мне хорошо знакомы были четыре такие точки на этой дороге. Но в этот раз машины ДПС стояли только на трех из них.

А в город я вообще въехал вполне чинно и благородно, разве что чуть-чуть побыстрее, чем начал этот путь, и по улицам старался не гнать. Ночевать я снова поехал в гостевой дом «Скворечник», где за мной был закреплен номер, и намеревался остаться там до момента выписки Тамары из больницы. Мне тоже проще, когда нет необходимости каждый день возвращаться в свою деревню, а с утра отправляться в обратный путь.

Но я сам такой график себе выбрал и даже нашел подходящий аргумент для полковника Альтшулера, чтобы перенести занятия с первой группой на час позже. Следовательно, со второй они тоже сдвигались на это же время.

Я сказал Альтшулеру, что начинать первые занятия в восемь тридцать, как он планировал изначально, нецелесообразно, поскольку организм в это время еще находится в полудреме у шестидесяти процентов людей. Это были не мои выдумки, а результаты исследования, проведенного настоящими специалистами.

Правда, я умолчал о том, для чего эти исследования заказывались спецназом ГРУ. А делалось это затем, чтобы научить бойцов подниматься по тревоге в любое время суток, невзирая на сонливость. Спецназ ФСБ тоже должен уметь работать когда угодно.

Так вот я и выторговал себе еще час, чтобы не выезжать из деревни слишком рано.

Гостевой дом «Скворечник» жил так же размеренно и спокойно, как и раньше. Мне было даже в какой-то степени странно, что в заведении ничего не изменилось, никто по сию пору не знал о том, что с моей помощью тут были задержаны четверо человек, имеющих отношение к некоему Виктору Бобину. Пятый тип из той же компании был прооперирован после выстрела Тамары и взят под стражу.

В этот раз я еще умудрился заехать в магазин, купил пачку сливочного масла, чай, сахар, буханку хлеба и десяток яиц и собирался устроить все это в холодильнике. В самом деле, если в номере присутствует кухня, то грех ею не пользоваться. Ведь завтракать в каких-то случайных заведениях гораздо опаснее, чем прямо в номере.

Возрастная администраторша встретила меня широкой улыбкой.

– Как ваша жена себя чувствует? – спросила она.

– Относительно хорошо, если учесть, что только прошлой ночью перенесла операцию.

Но врач говорит, что все прошло успешно.

– Ну, дай ей бог здоровья. А вы у нас долго предполагаете жить?

– Пока жену не выпишут. Наверное, недели две. Может быть, десять дней. Точно сказать не могу, не знаю, как у нее пойдет выздоровление.

– Да, печень – вещь совершенно непредсказуемая. Свинины жирной поешь, и уже начинает покалывать. По себе знаю.

Я не стал углубляться в тему, объяснять, что случилось с моей женой, иначе разговор с администраторшей затянулся бы надолго. А уж пулевое ранение, тем более у женщины, капитана спецназа военной разведки, – это вообще такое событие, о котором будут говорить долго и много. Люди ой как любят обсудить то, к чему они не имеют ни малейшего отношения.

Время было уже позднее. Поэтому я не стал поддерживать пустую беседу с разговорчивой и любопытной администраторшей, поднялся к себе в номер и сразу лег отдыхать.

Утром я поднялся чуть раньше, чем в прошлый раз, провел интенсивную силовую зарядку, позавтракал и совершенно непреднамеренно вышел из номера в то самое время, когда одна администраторша передавала дела другой. На сей раз на дежурство заступала совсем молодая особа, которую я на улице вообще бы принял за школьницу старших классов, но никак не выпускного. Однако, подойдя поближе, я увидел, что она была слишком уж сильно накрашена. Школьницы, скорее всего, этого даже не умеют, хотя от современных барышень ждать можно всего.

Здесь же, рядом со стойкой администраторши, с какой-то стати вертелся охранник с масляными глазами мартовского кота, но не тот, с которым я встретился в момент своего заселения. Этот был постарше и на первый взгляд. Он точно так же, как и его напарник, носил в кобуре над ягодицей травматический пистолет.

Я вежливо поздоровался с новой дежурной администраторшей, кивнул, когда прежняя представила меня ей, и сразу двинулся к выходу, не отвечая на старательные улыбки пожилой дамы. Вид ее ослепительно-белых зубных протезов никак не мог воодушевить меня, отправляющегося в больницу к жене.

Моя машина стояла в том же положении, как я ее оставил с вечера. Я сел за руль и сразу поехал, теперь уже не пользуясь подсказками навигатора, поскольку сам прекрасно запомнил дорогу с одного раза.

Здесь, однако, и запоминать-то особо ничего не требовалось. Во-первых, наш город слишком уж невелик, чтобы не научиться в нем ориентироваться. Во-вторых, областная больница располагалась на улице, по которой я проезжал много раз. Просто я тогда еще не знал, что находится за этим витым металлическим забором.

В больницу я въехал, ничуть не сомневаясь в своем праве, но на парковку для автомобилей персонала, как в прошлый раз, наведываться не стал. Причина этого состояла всего-навсего в том, что мне было жалко отдавать охраннику очередную тысячу рублей. Таких купюр на этих ребят не напасешься. Если я буду каждый день отдавать хотя бы по одной бумажке каждому, с кем мне приходится встречаться, то мне не хватит ни фондов службы господина Генералова, ни средств областного управления ФСБ, где я тоже должен получать жалованье, начиная с сегодняшнего дня. Я вообще-то не считаю себя человеком меркантильным, но люблю, чтобы моя работа оплачивалась по заслугам. А плохо выполнять свои обязанности я не умею. Просто не обучен этому.

Короче говоря, я проехал мимо парковки, остановился рядом с крыльцом хирургического корпуса, в который сразу и вошел. В окошко для посетителей выглядывало круглое лицо пожилой женщины, ничуть не похожей на вчерашнюю девицу с наушниками.

– Мне хотелось бы узнать, как здоровье... – начал я.

– Вы ведь подполковник Кукушкин? – перебила меня женщина, и я понял, что кто-то сверху позаботился о том, чтобы я всегда имел доступ к жене.

– Так точно! – ответил я голосом военного человека, общающегося с высшим чином.

– А документ показать можете? Любой подойдет. Хоть паспорт, хоть что. Извините, у нас теперь с этим строго. Это после вчерашних дел. Да если вы Кукушкин, то и сами все прекрасно знаете.

Такое положение вещей, слегка похожее на армейский порядок, мне понравилось. Я с удовольствием вытащил из кармана водительское удостоверение и предъявил его.

Женщина сравнила фотографию с моей физиономией, удовлетворенно кивнула и проговорила:

– Проходите. Где палата находится, вы знаете.

– Знаю. Спасибо, – сказал я и быстрым шагом направился на второй этаж.

У двери нужной мне палаты сидели два охранника в бронежилетах, вооруженных автоматами. Эта пара существенно отличалась от недавних ментов из Росгвардии. При моем при-

ближении охранники встали и вытянулись по стойке «смирно». По их взглядам я понял, что они меня узнали. Видели вчера утром. Так оно и оказалось.

– Здравия желаю, товарищ подполковник! – сказал старший из них.

– Здравия желаю! – повторил второй.

Я пожал им руки и посмотрел в сторону, где сидели еще два бойца. Они, видимо, охраняли палату, где находилась медсестра, которую тоже вчера оперировали.

– Как обстановка? – поинтересовался я.

– Все тихо.

– А там?.. – Я кивнул в сторону второй пары охранников.

– Задержанная постоянно плачет. То ли во сне, то ли в бреду все какого-то Валеру зовет. Это, как я понимаю, тот охранник с парковки. Он сейчас в тюремном лазарете лежит. Его тоже прооперировали. Вы, товарищ подполковник, этого типа туда отправили.

– Ничего, до суда на ноги встанет. – Я не выразил сочувствия даже голосом. – Хотя ходить долго будет враскоряку.

Если бы эти двое, охранник с автопарковки и медсестра, покушались на мою жизнь, то я бы их пожалел и простил. Но они посягнули на жизнь моей жены. Этого я им простить никак не мог. Да и вообще это не моя прерогатива.

Если Тамара захочет, то простит. А она человек по жизни великодушный.

Я вошел в палату без стука. Тамара сидела на кровати и тихо разговаривала с кем-то по телефону.

– Я же говорю, его голос за дверью слышу. Ладно, я тебе попозже перезвоню... – произнесла она и отключилась.

– С кем общаешься? – поинтересовался я без малейших ноток подозрения в голосе.

– Сестра, – объяснила Тамара. – Мы с ней уже часа три разговариваем. Рука устала телефон держать. Но ты же знаешь, что от Мадины так просто не отвяжешься. Однако ей и самой уже пора детей в школу собирать, мужа кормить.

Младшая сестра Тамары жила в Ростове-на-Дону. Мужа она имела тоже русского, потомственного донского казака, но сохраняла в семье чеченские традиции, выполняла всю домашнюю женскую работу, за детьми следила, мужа ублажала, как только могла. При этом сама, как и муж, служила в полиции.

– Самочувствие как? – поинтересовался я.

– Могу сегодня же в бой вступить! – чисто по-мужски ответила она. – В любом случае завтра планирую на ноги встать, ходить буду, чтобы кровь по телу бегала. Так быстрее поправлюсь. А через пару дней думаю отсюда сбежать. В огороде выздоровление быстрее пойдет. Когда обстоятельства заставляют, приходится поторапливаться.

В это время вдруг зазвонил мой телефон. Я вытащил его из чехла и увидел на определителе номер полковника Альтшулера.

– Слушаю, товарищ полковник, – ответил я торопливо. – Здравия желаю!

– Ты не забыл, Виктор Вячеславович, что тебе сегодня на службу выходить?

– Никак нет, товарищ полковник. Не забыл. Я готов.

– Ты где сам сейчас?

– В санчасти. То есть в областной больнице, у жены...

– Как у нее самочувствие?

– Говорит, готова сегодня в бой вступить. Только мне кажется, что ей еще рановато.

– Передай привет, хотя мы не знакомы, и конечно, самые искренние пожелания выздоровления.

– Обязательно. Будет время, познакомитесь.

– Хорошо, что ты уже в городе. Сам сейчас побыстрее приезжай ко мне. Я уже в управлении. Дело есть срочное. Это связано с тем происшествием в «Белой лошади», когда нашу

группу захвата деактивировали. Приезжай, ты мне нужен. Постоянный пропуск на тебя заказан, тебе надо будет только сфотографироваться. Пока получи разовый в бюро пропусков.

– Понял, товарищ полковник. Еду. – Я убрал трубку в чехол и пожаловался Тамаре: – Новое командование меня срочно требует. Полковник Альтшулер. Он просил привет тебе передать и пожелание выздоровления. У него какое-то дело срочное, что-то связанное с происшествием в «Белой лошади».

– Для тебя это не опасно?

– Нет, я там не наследил. Если было бы что-то против меня, то Альтшулер не сказал бы, по какому поводу вызов.

– Поезжай. Потом мне позвони.

– Обязательно. Как только освобожусь, сразу свяжусь с тобой.

Глава 3

Я вышел из хирургического корпуса, сел в машину, и тут мне позвонил полковник Самохин. Кроме него на этот аппарат выйти никто не мог.

Ответил я сразу, потому что с места еще не тронулся:

– Здравия желаю, товарищ полковник! Слушаю вас.

– Здравствуй, Виктор Вячеславович! Ты где сейчас находишься?

– Только что вышел из хирургического корпуса и сел в машину.

– Как самочувствие Тамары?

– В бой рвется. Уже сегодня, говорит, готова. С такими темпами она за неделю на ноги встанет. У нее закалка еще та, нашенькая, настоящая.

– Я вот что звоню. Предупредить хотел. По моим сведениям, полковник Альтшулер нашел-таки в больнице того продавца, у которого ты клей покупал. Он тебя не помнит. Тем не менее в ФСБ возникло подозрение, что именно ты ему челюсть сломал, чтобы он не смог дать никаких показаний. Радуются, что хотя бы не прикончил, подозревают, что ты только надеялся, что убил. Хотя есть и еще одна версия. Тот уголовник, с которым у продавца и кассирши был конфликт в магазине, мог кого-то подослать. Тем более что сам Клишкин уверяет, будто на него напал старый уголовник. Он видел татуировки на пальцах. А тот, первый, который в магазине бушевал, даже при ментах угрожал, обещал с парнем разобраться. Только вот парень этот – Клишкин. Он, оказывается, профессиональный боец, специалист по спортивным единоборствам. Альтшулер уверен, что простой уголовник с ним справиться никак не сумел бы, считает, что его какой-то спец избивал.

– Про специалиста в спортивных единоборствах я знаю. Только вот они не боевые. Вы разницу, товарищ полковник, улавливаете?

– Я-то улавливаю. К сожалению, ее улавливает и полковник Альтшулер. Он желает устроить сегодня опознание, надеется, что Клишкин тебя узнает, несмотря на грим, которым ты тогда воспользовался.

– Откуда у вас сведения, товарищ полковник? Если, конечно, это не секрет.

– Вообще-то секрет, но тебе могу сказать и даже, кажется, уже говорил, что мы имеем в ФСБ собственную агентуру. К сожалению, она работает только на низовом уровне. Надеемся, что и ты к этому делу подключишься. Да и в ГРУ тоже на это рассчитывают.

Я не стал сообщать Валентину Юрьевичу о том, что куратор уже звонил мне вечером по тому же вопросу, просто решил постараться показать себя так, как и полагается. Только сначала мне предстояло пройти проверку опознанием.

Я завершил разговор, убрал телефон в карман, опустил в машине противосолнечный козырек, включил подсветку зеркала и внимательно присмотрелся к своей приклеенной бородке. Она была точно такая же, как моя родная, натуральная. Даже Тамара не заметила, что я сменил свою бородку на фальшивую. Конечно, кожу под ней слегка стягивало клеем, но к этому я уже привык.

Убедившись в том, что с гримировкой у меня все в порядке, я поехал в областное управление ФСБ. «Камаро» поставил там же, где и в прошлый раз, убрал в бардачок мобильник, предназначенный для связи с полковником Самохиным, после этого поспешил в бюро пропусков, а потом и в кабинет полковника Альтшулера.

Там сидели три человека в гражданском, при галстуках, как здесь принято было ходить. Поэтому я не мог узнать их звания, но по возрасту и солидности решил, что все они старшие офицеры.

– Ты как раз вовремя, – сказал полковник. – Одет соответствующим образом. Внешность подходящая. Как раз то, что надо. Сейчас приедет машина из больницы, привезут человека. Его позавчера кто-то сильно избил, хотя он профессиональный боец без правил.

– Что такое бои без правил, товарищ полковник? – спросил я.

– Ну, это устаревший термин. Так раньше этот вид спорта назывался. Правила там, естественно, есть. Как это сейчас, Алексей? – Альтшулер посмотрел на человека в штатском, самого молодого из троих.

– Бои по смешанным спортивным единоборствам, – ответил тот.

– Понятно, – сказал я. – Это серьезные ребята. С такими справиться бывает нелегко. Они обычно кое-что могут.

– Да, вот Алексей Викторович сегодня ездил к бывшему тренеру Климкина...

– Климкин, как я, товарищ полковник, понимаю, это тот самый тип, которого сейчас привезут из больницы. Так ведь?

– Точно так, – подтвердил Альтшулер мою догадку.

– А почему сразу тип? – с вызовом спросил Алексей Викторович. – Он молодой парень, служил раньше в ВДВ, там подрался с прапорщиком. Контракт с ним расторгли, хотя в этом конфликте прав был именно он. Прапорщика тоже, кстати, уволили, но втихую, чтобы не раздувать скандал. И вообще этот Климкин – парень с повышенным чувством справедливости. Пытался стать профессиональным бойцом, но в первой же схватке противник сломал ему челюсть. Он сумел выстоять до конца, однако проиграл решением судей, слишком берегся во время боя, за челюсть опасался. Так его тренер говорит. Во втором поединке Климкин в самом начале получил удар прямо в место перелома, продолжить схватку просто не смог, упал и был добит. На этом карьера бойца для него закончилась. Челюсть оказалась слабоватой. Хотя тренер говорит, что парень он был не бесталаный. Да и возраст позволял ему выступать еще долго.

– А он вообще какой вид единоборств предпочитал как базовый?

– Климкин был серьезным спортсменом. Выступал в боевом самбо. А вы сразу про него – тип.

– Я, Алексей Викторович, не вкладывал в это слово отрицательных эмоций, даже не представлял, что это молодой парень. Обычно в смешанные единоборства приходят те люди, которые чего-то определенного достигли на ином поприще, в собственном, как говорят, в базовом виде спорта. То есть народ в возрасте. В вашем, например. Я вижу, вы бывший боксер.

– А как ты, Виктор Вячеславович, это определил? – с неподдельным интересом спросил полковник Альтшулер.

– Я еще на днях, перед схваткой с подполковником Балакиревым, мельком обратил внимание на тренировку ваших спецназовцев. Они при нанесении удара опускают голову, закрывают глаза и рискуют нарваться на встречный удар, пусть случайный, но сокрушительный. У боксеров против этого используется простейшее действие. Брови поднимаются на самый лоб и держатся там постоянно, даже вне тренировок и боя. Это настолько прочно въедается в кровь, что человек, долгие годы не тренирующийся и не участвующий в соревнованиях, по-прежнему держит так брови. Вот лицо Алексея Викторовича – конкретный тому пример. В этом может убедиться каждый, кто на него посмотрит.

– Как все, оказывается, просто, – констатировал Альтшулер. – Но не все же боксеры так брови держат. Я разных на своем веку встречал. Да, часто видел таких, кто брови задирает кверху, но встречал и других. Боксеров легче определить по носу. Он у них если не сломан, то попросту сплюснен.

– Это вовсе не обязательно. Я встречал таких, у которых лицо было мирным и смиренным как у овечки. Да, конечно, не все брови на лоб задирают. Кто-то умеет не закрывать глаза сразу.

У этого человека не возникает необходимости работать с бровями. Надо сказать, что закрытые глаза – не доказательство трусости. Это какое-то врожденное состояние человека.

– А трусость разве не врожденное состояние? – продолжал полковник Альтшулер отвлеченную беседу.

– По-разному случается. Бывает, кто-то один раз испугался и стал трусом. Но это излечимый порок. Человек может переступить через свой страх и стать отчаянно храброй личностью. Не бывает людей, которые ничего не боятся. Опасения есть у всех. Нужна, естественно, сила воли, чтобы превозмочь себя. Мы солдат так и воспитывали.

– Это каким же образом? – поинтересовался Алексей Викторович.

– Элементарно. Взять хотя бы занятия на полосе разведчика...

– Это полоса препятствий, что ли? – спросил полковник.

– Да, она самая и есть. Только удлиненная и специально усиленная дополнительными сооружениями. Ползет солдат по полосе разведчика, по песку и по земле. А взвод в это время стреляет боевыми патронами. Пули уходят в землю и в песок под руками и между ног. Так вот боец и привыкает не бояться. Хотя бывали у нас случаи, когда люди не могли себя пересилить.

– И что с ними было потом? – спросил Алексей Викторович с заметной насмешкой.

– Мы обычно отправляли таких ребят дослуживать срочную в какую-нибудь другую часть.

– Например?

– Например, в спецназ ВДВ. Я сам двоих бойцов туда отправлял, когда командовал разведротой. С интервалом в полтора года получилось.

– И как они там дослуживали? Вы не узнавали?

– Узнавал. На хорошем счету были. Там служить несравненно легче. Ведь спецназ военной разведки – это действующая армия. Всегда, даже в мирное время! Поэтому с него спрос совершенно особый.

– Ладно, – подвел итог полковник Альтшулер. – Относительно особого спроса я полностью согласен. Это все очень интересно. Надеюсь, что подполковник Кукушкин внедрит и у нас такие методы подготовки, поскольку спецназ ФСБ тоже всегда в действии. Но давайте вернемся к Владимиру Климкину. Виктор Вячеславович, на ваш взгляд, кто мог избить профессионального бойца? Мне кажется, что сделать это чрезвычайно сложно.

– Нет, не так уж и сложно. Это мог сделать кто угодно, – невозмутимо ответил я. – Первый попавшийся пьяница нечаянно махнет рукой и попадет в старый перелом. Здесь даже нет необходимости в особой физической подготовке, хотя потом тот же пьяница будет считать себя человеком с убийственным ударом.

– А почему вы заговорили про пьяницу? – спросил Алексей Викторович слишком уж настойчиво и серьезно.

Я сразу понял, что это один из моих противников, активно против меня настроенный.

– Вы знакомы с показаниями Климкина? – продолжал он.

– Откуда? Вы же мне не докладывали. А про пьяницу я сказал просто потому, что не считаю человека, пребывающего под градусом, способным к эффективной драке. Сам не пью и вам, молодой человек, не советую.

«Молодому человеку» было, видимо, слегка за тридцать пять. Против моих шестидесяти трех – сопляк и сосунок. Пусть радуется, что я так его не назвал.

В это время полковнику Альтшулеру кто-то позвонил по внутреннему телефону.

Он выслушал сообщение и заявил:

– Ведите! У нас все готово. – Альтшулер положил трубку на аппарат, встал и проговорил: – Пойдемте все вместе туда. Проведем опознание. Доставили и понятых, и Климкина.

Офицеры вышли из кабинета первыми, я – следом за ними. Последним помещение покинул полковник, который закрыл сперва сейф, а потом и входную дверь. Замок с отпечатком

пальца, которым он вроде бы заинтересовался, ему так и не понадобился, хотя установить его – дело получаса.

Я шел по коридору в окружении крупных мужчин. Все они были моложе и выше меня. Со стороны это, вероятно, выглядело так, что я иду под конвоем.

Однако я сразу просчитал вариант освобождения из-под такой вот охраны. Сначала должен последовать бэкфист. Так называется удар, применяемый в смешанных единоборствах и тайском боксе. Он наносится предплечьем, чаще всего в голову, после кругового движения всего тела. Я мог угостить им того человека, который шел слева от меня.

При этом ударе я должен был бы сам сместиться влево и разорвать дистанцию с типом, идущим справа, внешне самым интеллигентным и мало способным, на мой поверхностный взгляд, к схватке с серьезным противником. Это смещение позволило бы мне нанести ему сильный хай-кик, то есть удар ногой в голову с разворота. Обычно он проводится нижней частью голени. Это самое жесткое место на ноге, не имеющее особой склонности к переломам.

Эти удары были бы довольно звучными и никак не прошли бы мимо ушей того бывшего боксера, который шел впереди меня. Его я атаковал бы сразу после того, как он остановится и обернется. Какой крепкой ни будь тренированная челюсть боксера, она едва ли выдержит столкновение с чьей-нибудь ногой, в данном случае с моей, к тому же обутой в армейские берцы.

Полковник Альтшулер, идущий чуть позади, меня, честно говоря, вообще не беспокоил. Конечно, он был крупным и тяжелым мужчиной, но округлый животик настойчиво приглашал его посетить подвальный спортивный зал здешнего управления. Там я несколькими ударами в корпус быстро научил бы Альтшулера подтягивать живот и не отваливать его себе на колени. Он был моложе меня, но гордиться своей физической подготовкой ему явно не стоило.

Короче говоря, я предположил, что попал в клетку. Но офицеры, устроившие мне эту западню, кое о чем даже не подозревали. Они не знали, что в таких условиях я становлюсь куда более опасным, чем на свободе, всегда готов и способен вырваться из ловушки.

Но мы шли, и никто не пытался предъявить мне претензии, хоть как-то схожие с обвинениями. Так, в том же нерушимом порядке мы прошагали в другое крыло здания, повернули за угол и оказались в кабинете.

Там стояли четыре человека, внешне слегка схожих со мной. Двое из них даже имели бородки одинаковой формы с моей. Этот факт достаточно четко говорил мне о том, что сотрудники ФСБ меня подозревают. Я сразу определил, что бородки приклеены, причем достаточно неумело, на скорую руку.

Все четверо были одеты в камуфлированные костюмы, однотипные с моим, но с разными рисунками. У меня был камуфляж «Флора», который использовался в армии до тысяча девятьсот девяносто восьмого года, у них – «Цифра» и «Вертикалка».

Мне показали, где встать. Я полностью владел собой, занял это место, не проявлял никакого беспокойства, ничем себя не выдавал. Пульс у меня не участился, сердце не стало колотиться быстрее. Эти факторы, выдающие ваше волнение, легко подавляются соответствующей тренировкой. В свое время я немало часов потратил на занятия, как и с инструктором, так и самостоятельные.

В последний момент я заметил, что полковник Альтшулер и двое его коллег вошли в следующий кабинет, увидел на стене зеркало и понял, что оно прозрачное. Полковник и его офицеры будут наблюдать за действием с другой стороны.

Сам процесс опознавания должен был проходить, видимо, под контролем Алексея Викторовича. У меня не было видимых причин протестовать против этого. Поэтому я и не возмущался.

Ждать долго нам не пришлось. По моим подсчетам, прошло около двух с половиной минут. Потом в дверь кто-то постучал.

После приглашения в кабинет заглянул солдат и бодро, как на переключке в строю, рявкнул:

– Товарищ майор, по вашему приказанию...

Алексей Викторович остановил доклад ладонью, резко протянутой вперед, словно испугался громкого голоса солдата.

– Запускай сначала понятых, – распорядился он.

Солдат завел в помещение пожилых мужчину и женщину. Алексей Викторович заученной скороговоркой объяснил им их обязанности и ответственность, предупредил о том, что весь процесс фиксируется видеокамерой.

После этого он приказал солдату:

– Запускай Климкина!

Майор протянул руку и включил камеру, укрепленную большой присоской на стекле зеркала, позади которого, видимо, стояла вторая, фиксирующая нас.

У четверых участников этого процесса лица должны были бы быть невозмутимыми хотя бы потому, что они реально не имели к делу никакого отношения. У меня – за счет самообладания и умения себя контролировать, отработанных за долгие годы службы.

Алексей Викторович вытащил из-под папки на столе лист, на котором что-то было написано крупными буквами, и дал прочитать Климкину. Тот глянул на текст и мигнул. Мол, да, я все понял.

В этот раз Климкин показался мне и ростом меньше, и в плечах уже, чем в первые наши две встречи. Его шея, нижняя челюсть, едва ли не все плечи были скованы толстым слоем гипса, делающим этого парня слегка сутулым и вообще каким-то почти квадратным. Хорошо, что сейчас стояла осень, было уже прохладно. Жарким летом под таким слоем гипса легко могут завестись черви.

Это, на мой взгляд, было даже большим неудобством для бедолаги, чем собственно перелом челюсти. Но держался Владимир с достоинством. Мне даже понравилось выражение его глаз.

Он вроде бы заранее торжествовал, ожидал увидеть человека, который его так жестоко избил, заглянул поочередно в пять лиц, встретился с каждым из нас долгим испытующим взглядом, но так и не сумел никого узнать. Об этом парень сразу и сообщил Алексею Викторовичу отрицательным движением руки.

После чего он прошептал едва слышно, почти не двигая челюстью:

– Нет, товарищ майор, тот был старше, с наколками на руках. Я хорошо рассмотрел перстни с расходящимися лучами на пальцах. Три или четыре на правой руке, не могу точнее вспомнить, и два на левой. Но бил он профессионально, с умением, как настоящий боксер.

Мне странно было наблюдать за тем, как человек пытается общаться в своей обычной манере, говорить привычными словами, в своем собственном стиле. При этом ему было, видимо, больно, но излагать свои мысли иначе Климкин просто не умел.

Майор поморщился так, словно упрек был высказан в его сторону, и поинтересовался:

– А клей у тебя кто покупал?

– Да я разве помню. За день в магазине столько покупателей проходит! Могу только сказать, что с бородкой человек был. Вот с такой же. – Климкин показал на меня. – Но тот, по-моему, выше был. Еще мне тогда показалось, будто глаза у него были какие-то сердитые, сосредоточенные, что ли.

– Но точно не этот?.. – Алексей Викторович в отчаянии ткнул мне пальцем в грудь.

Я человек спокойный, уравновешенный. Но должен признаться в том, что мне захотелось этот палец ему же в нос вбить и там с силой провернуть. Естественно, вместе с носом.

– Нет. Точно не он. Я же говорил, что тот ростом был выше, взгляд не такой, лицо какое-то вытянутое.

На этом процесс опознания был закончен. Владимир Клишкин и понятые подписали протокол, после чего тот же солдат увел их на выход.

– Я все видел и слышал, – торопливо сказал полковник Альтшулер, заходя в кабинет.

Этими вот словами он остановил Алексея Викторовича, собиравшегося доложить ему о результатах опознания, и добавил:

– Я еще раз убедился в твоей неправоте, Алексей Викторович.

В чем заключалась неправота майора, догадаться было совсем не трудно по его почти истеричному тычку пальцем мне в грудь. Это был последний жест отчаяния. После него порядочные люди поднимают пистолет, прижимают ствол к своему виску и давят на спусковой крючок. Но такое яркое и торжественное событие не состоялось. На этом основании я сделал собственный вывод об уровне порядочности Алексея Викторовича.

– Товарищи офицеры, все свободны! Можете переодеваться. Спасибо за маскарад. – Эти слова Альтшулера были адресованы моим товарищам по несчастью, имеющим отдаленное сходство со мной и принимавшим участие в процедуре опознания в качестве статистов.

Они торопливо вышли. В кабинете остались только мы с полковником, Алексей Викторович и два возрастных офицера в гражданском, не отстающих от полковника, но пока безучастных ко всему происходящему.

– Я еще нужен вам, товарищ полковник? – поинтересовался я у Альтшулера.

– Лично мне – нет. Ты прямо сейчас в кадры зайди, они отметят, что ты к службе приступил, и можешь в спортзал отправляться. Кстати, майор Владимиров проявил желание у тебя потренироваться, – проговорил Альтшулер и кивнул в сторону Алексея Викторовича. – Он, правда, у нас служит в следственном отделе, а у тебя занятия пока планируются только со спецназовцами и оперативниками. Но одного человека ты, я думаю, принять сможешь.

– Да, разумеется. Пусть приходит, – сказал я и окинул взглядом майора с головы до пят и обратно.

Вес килограммов за девяносто, из них около десяти, судя по двойному подбородку, откровенно лишние. Если он будет заниматься всерьез, то я быстро приведу его в форму.

Козырять я не стал, поскольку на мне не было головного убора, но щелкнуть каблуками на прощание не забыл и отправился в кадры, в кабинет, расположенный на первом этаже. Это не заняло у меня много времени.

Там я прежде всего услышал, что для получения постоянного пропуска должен быть сфотографирован прямо здесь и сейчас, в этом кабинете. Я отказался, сослался на то, что сперва бородку надо сбрить. Дескать, вечером это сделаю, потом сфотографируюсь сам и принесу нужное количество снимков. Могу прямо на флешке отдать, чтобы в кадрах сами распечатали нужного размера.

Это всех устроило. Вопрос, как оказалось, вовсе не сводился к тому, что ФСБ требовалась моя фотография для каких-то своих следственных нужд. Я обязан был принести ее не только для пропуска, но и для личного дела. Значит, избежать этого было невозможно. Суть дела сводилась только к ношению мною бородки.

– А зачем вы бородку сбривать надумали? Вам она вполне к лицу, – сказала возрастная женщина в мундире с погонами старшего прапорщика.

– Армейская привычка. На службе у нас борода не допускалась. Только легкая небритость в боевых условиях. Но мы и в ходе операций старались следить за собой. Офицеры солдатам пример подавали.

– Вы что же, всегда имели при себе бритву?

– А зачем нам бритва? Мы привыкли обходиться ножом или малой саперной лопаткой. У нормального бойца она всегда должна быть заточена до максимально возможной остроты.

– Я слышала, что вы этими лопатками даже дрались.

– У нас считался обязательным курс рукопашного боя с использованием лопаток и ножей. – Я не хвастался, говорил только то, что было в действительности, но сотрудники отдела, как мне показалось, не приняли мои слова на веру.

Однако это, в принципе, была совсем не моя беда, а только их.

Должен сказать, что в мои планы входило обучение спецназа ФСБ не только ножевому бою, но и применению в схватке малых саперных лопаток.

Когда я показал полковнику Альтшулеру план предстоящих занятий и перечень дисциплин, он ровным счетом ничего не возразил, заметил только:

– Ты хочешь из наших спецназовцев настоящих киллеров сделать!

Если полковник и пытался меня этой фразой смутить, то эта его идея оказалась неудачной.

– Я по своей воинской сущности и по профессии, товарищ полковник, диверсант. А диверсант и киллер – это понятия слегка родственные, – заявил я.

Я вовсе не утверждал, что сам являюсь киллером, только признал, что диверсанту стать таковым гораздо проще, чем, к примеру, охранником. Хотя это тоже возможный вариант, потому что настоящий охранник обязан знать все методы работы диверсантов. Уверен, что у меня, при моем серьезном и даже скрупулезном отношении к любому делу, за какое бы я ни взялся, были все шансы стать отличным охранником или даже начальником службы безопасности в серьезной структуре.

Глава 4

В подвальное помещение я спускался по лестнице, уже знакомой мне, и встретился с майором Владимировым. Он зашел сюда из одного крыла здания, я – из другого.

При нем была спортивная сумка, точно такая же, как у меня. Однако я сомневался в том, что мы приобретали эти вещицы в одном и том же магазине. Нет, вовсе не потому, что моя имела куда более старый, почти затасканный вид. Я покупал свою сумку в далеком южном регионе, куда майор Владимиров, как мне почему-то сейчас подумалось, предпочитал не ездить.

Алексей Викторович собирался принять участие в занятиях по рукопашному бою. Я согласился с этим и был уверен в том, что он решил поступить так не просто ради поддержания спортивной формы. Бывший боксер думал что-то доказать мне или кому-то еще. Скорее всего, желал громко заявить, что чего-то стоит.

Короче говоря, я предвидел возможность нового поединка в противостоянии двух мощных силовых структур.

Однако внешне это я никак не проявлял, даже наоборот, изобразил, будто майор появился тут весьма кстати, о чем сразу же сообщил ему:

– Очень хорошо, что вас встретил. А то я даже не знаю, где в вашем спортзале раздевалка.

– У нас раздевалки отдельные. Одна для тех, кто занимается, вторая для тренера и командования, когда оно вдруг надумывает жирок сбросить. Но сегодня высокое начальство заниматься не планирует, ему, как обычно, не до нашей повседневной суеты. Поэтому вся комната предоставляется в ваше распоряжение. Дверь в противоположной стене от общей раздевалки. Ключ, как я полагаю, должен находиться в замке.

– Спасибо вам, – вежливо поблагодарил я и любопытствовал: – А вы занятия спортом давно забросили?

– Двенадцать с небольшим лет назад. Но до этого я шестнадцать годков подряд упорно тренировался. В раннем детстве начал и сейчас еще нахожусь во вполне приличной форме. По крайней мере, за свое умение ударить я отвечаю. Потому рекомендую вам быть осторожнее.

– А вы никак планируете провести со мной спарринг? – Я сделал вид, что удивился.

– Если вы не будете возражать, – ответил майор с мушкетерской галантностью.

– А вы не боитесь, что я вас просто изуродую?

– Нет. Не боюсь. Я постараюсь этого не допустить, неплохо умею за себя постоять.

– Вы по какому разряду боксировали, товарищ майор?

– Я, товарищ подполковник, был когда-то кандидатом в мастера спорта.

– Были, говорите. Значит, сейчас в себе не уверены?

– В боксе звание кандидата в мастера спорта требуется каждый год подтверждать, хотя я знаю, что большинство спортсменов этого правила не придерживаются.

У меня в бригаде были два сослуживца-офицера со званием мастера спорта по боксу. Получали они его еще в советское время и говорили мне, что современные мастера по уровню могут сравниться только с тогдашними перворазрядниками. Один из них был полутяжеловес, другой – тяжеловес. Я спокойно тренировался и не раз спарринговал с ними. Поэтому звание кандидата в мастера меня не сильно волновало.

– А в каком весе вы боксировали?

– До семидесяти пяти килограммов. Второй средний вес. Так это тогда называлось. Сейчас какие-то другие категории.

– Да, кажется, хотя я весовыми категориями не сильно интересовался. Случайно где-то узнал и нечаянно запомнил. Кажется, сейчас не одиннадцать, а десять весовых категорий. Ликвидирован первый средний вес. Раньше ваша категория имела градацию от семидесяти одного с половиной килограмма до семидесяти пяти, а сейчас – от шестидесяти девяти до

семидесяти пяти. Разрыв в весе увеличился. Но это не имеет принципиального значения. В настоящем бою бывает и такое, что ты встречаешься с природным гигантом-тяжеловесом и уступить ему не имеешь права. На тебя солдаты смотрят.

– А вам часто случалось вступать в рукопашный бой? – с неподдельным удивлением спросил майор. – Я слышал, что некоторым офицерам за все годы службы ни разу не доводилось.

– Спецназ ГРУ имеет разные бригады. Бойцы одних участвуют в боевых действиях, в других люди только готовятся к ним. Так уж сложилось, что наша постоянно на Северный Кавказ отправлялась. Не целиком, естественно, а только отдельными подразделениями. Когда мы еще предпочитали бандитов в плен захватывать, мне доводилось пару раз в рукопашке участвовать. Это потом устный приказ вышел – пленных не брать. После этого уже рукопашку наши бойцы постигали только на тренировках.

– А с чем, любопытно узнать, такой приказ был связан? Извините уж, товарищ подполковник, за любопытство человека, который мечтает туда в командировку отправиться.

– Простейшая ситуация. Захватываем пленного, отправляем его в СИЗО, а через пару-тройку месяцев его же берут живьем при стычке с другой бандой, хотя по документам он должен быть на зоне. Откупаются всеми способами. Пенитенциарная система в России работает только на благо своих сотрудников и отдельных заключенных.

– А что же вы меры не принимали по этому поводу?

– Спецназ военной разведки, к сожалению, не обладает следственными функциями. Это скорее работа для ФСБ. Но все наши обращения в вашу систему результатов не дали.

– Да, такое бывает. Руки до всего сразу не доходят. Вам сюда. – Майор показал мне на дверь. – А мне туда. Как будете готовы, пройдете прямо по коридору в спортзал.

– Поторопите, товарищ майор, народ, – попросил я. – К моему выходу группа должна уже построиться.

Ключ от тренерской и в самом деле торчал в замке. Я провернул его и толкнул дверь. За ней была лестница, ведущая вниз, к следующей створке. Там тоже ключ торчал из замка, но дверь вообще была не заперта.

Тренерская комната была небольшой. Но, в отличие от спортивного зала, она имела даже окно, показывающее, что я нахожусь в полуподвале.

Я быстро переоделся и собирался уже выйти из тренерской, когда зазвонил мой телефон. Определитель показал номер майора Никифорова.

Вячеслав Петрович звонил мне редко и только по важным делам. Обычно я сам с ним связывался, потому что нуждался в нем гораздо чаще, нежели он во мне. Потому этот звонок меня слегка удивил. К моему удивлению приплюсовалось и беспокойство за одинокого человека, живущего на отшибе, которому в любой момент может понадобиться помощь.

Вдобавок позавчера ночью я втравил его в боевые действия против бандитов. Теперь мне подумалось, что эти негодяи каким-то образом могли выйти и на него.

Поэтому я поспешил ответить:

– Слушаю тебя, Вячеслав Петрович.

– Здравствуй, Виктор Вячеславович. – Неторопливая речь отставного майора меня сразу успокоила. – Как у Тамары самочувствие?

– Я считаю, что нормально. Об этом можно судить по ее действиям.

– Ну, если она уже и на действия способна, тогда конечно.

– Как ты ее отправил с вертолетом, ей сразу по прилете сделали операцию. Я положил ей в рюкзак ее наградной пистолет. Утром дежурная медсестра напоила чаем с лошадиной дозой снотворного, как сказал врач, двух бойцов Росгвардии, которые были выставлены на ее охрану, и пыталась задушить Тамару подушкой, но не на такую нарвалась. Тамара сумела подстрелить эту особу. Теперь та сама лежит на том же этаже после аналогичной операции. Ее охраняют два парня из спецназа ФСБ, чтобы не сбежала или чтобы и ее не ликвидировали.

Сам понимаешь, что спецназ ФСБ – это слегка серьезнее, чем Росгвардия. Еще двое охраняют Тамару. В том же коридоре сидят, в пределах визуальной и звуковой доступности. Одни всегда могут прийти на выручку другим. Но Тамара молодец, после наркоза отошла быстро и удачно сориентировалась. Стреляла она при мне. Я в это время беседовал с лечащим врачом этажом ниже. На звук выстрела прибежал. Но помощь моя не понадобилась. Она сама справилась. А я захватил друга медсестры, ради которого она и пошла на убийство. Не знаю уж, чем он сумел ее прикупить. Внешне вполне обычный, даже невзрачный субъект. Работал охранником в той же больнице.

– Прикупил он ее, наверное, тем, что в штанах носит, – заметил Никифоров.

– Не носит, а носил. Я его обезвредил хорошим пинком в пах. Парня тоже оперировали. Теперь срок ему должен выпасть серьезный. Не скоро он со своей медсестрой увидится. У тебя, Вячеслав Петрович, все нормально? После наших совместных дел осложнений нет?

– Нет и, насколько я понимаю ситуацию, не предвидится. Я вот по какому поводу звоню. Тут ко мне в шесть утра приезжал какой-то майор из ФСБ. Владимиров его фамилия. Я к тому моменту уже встал и даже умыться успел. Его интересовало избиение некоего профессионального бойца ММА. Как я понял, майор подозревал, что ты подослал меня, но взглянул на мою фигуру и эти соображения, кажется, отбросил. Вот и то слава богу, а то у меня ведь алиби никакого нет.

Майор Никифоров был ростом выше ста девяноста сантиметров. Его фигуру трудно было бы не определить и не запомнить.

– Еще этот Владимиров интересовался, с кем из бывших спецназовцев ты еще контактируешь. Он мечтает найти человека моего возраста, способного завалить профессионального бойца. Я просто сказал ему, что ты мог кого-то встретить только у куратора. Но из нашей бригады в области проживает только один полковник в отставке Самохин, большой и толстый. А с офицерами других бригад, насколько мне известно, ты дружбы не водишь. Но там же я и сомнения добавил, сказал, что ты опытный разведчик, мало что о себе рассказываешь. Я могу быть просто не в курсе всех событий твоей жизни.

– Пусть этот майор Владимиров мечтает. Через десять минут я как раз его самого бить начну, – проговорил я. – Он пришел на тренировку, которую я сейчас буду проводить для спецназа ФСБ. Этот субъект – бывший кандидат в мастера спорта по боксу. Придется ему объяснить, что лишние двадцать килограммов, набранные им с тех пор, как он бросил тренироваться, ему на пользу не пошли.

– Ладно, удачи тебе. Я в твоих способностях не сомневаюсь. Ты сам-то сколько вешишь?

– Неделю назад взвешивался, было восемьдесят семь. Это для меня тоже максимальный вес. Дальше толстеть я себе не позволяю, хотя возраст, конечно, сказывается, и жирок отлагается. Особенно на боках.

– Этого нам с тобой не избежать. Все! У меня деньги на телефоне кончаются. Привет Тамаре. Скорейшего ей выздоровления!

– Спасибо, я передам.

Я убрал аппарат в чехол, сунул его в карман куртки, пристроенной на вешалке, захватил с полки легкие перчатки и двинулся к выходу из тренерской.

В спортзале бойцы спецназа ФСБ уже выстроились, согласно армейской привычке, по ранжиру, то есть, как говорят среди солдат, по росту и жиру. Я сразу с искренним сожалением отметил, что чем ниже у них был рост, тем объемнее талия. Мне следовало приложить максимум усилий, чтобы заставить их заниматься не только в спортзале, но и дома. Конечно, если жена позволит.

Встречался я однажды с журналистом, который на жену жаловался. Купил он себе гантели, стал заниматься дома.

Жена взъелась:

– Фигуру решил себе подправить! Какая баба тебя надоумила!

Она схватила одну гантелину и ударила бы мужа по голове. Но эта железка оказалась настолько тяжелой, что замахнуться ею женщина просто не смогла. Жена этого парня была патологически ревнивой.

На руках у всех моих новых подопечных были эластичные спортивные бинты. Я заранее просил полковника Альтшулера, чтобы он обязал всех бойцов это сделать. Тот так и поступил.

Майор Владимиров стоял в строю одним из первых, как ему и было положено. Навскидку я бы сказал, что рост у него был в районе ста восьмидесяти семи сантиметров. Обычно в схватке такие бойцы имеют преимущество на дальней дистанции. Оно, как правило, проявляется на первых минутах. Но стоит только эту дистанцию сократить, как им становится некуда девать длинные руки. Вот так их и надо бить. Тут самое главное – видеть, куда ты наносишь удар.

– В первый раз, когда мне довелось посетить этот спортзал, здесь как раз шла тренировка... – начал я.

– Без тренера, – не очень-то вежливо перебил меня майор Конопольский, стоящий ближе к концу строя. – Делали, кто что пожелает, кто во что горазд, товарищ подполковник. Тренер к тому моменту вышел в отставку. Но он занимался с нами только самбо и дзюдо. Ни рукопашному бою, ни боксу нас никто никогда не обучал.

– Тем не менее вы все равно что-то делали. Пусть даже самостоятельно. Это уже хорошо. Но я тогда мельком посмотрел на пары и заметил одну общую характерную деталь. Вы – по крайней мере большинство из вас – наносите удар, не видя, куда и как бьете. Лишь бы руку выбросить в надежде на то, что она куда-то попадет. Это не просто малоэффективно, но еще и опасно. Противник смотрит на вас, видит ваш удар, защищается от него и наносит встречный, куда более точный и эффективный. Вот я сразу вижу в строю двух бывших боксеров. – Я ткнул пальцем в спецназовцев. – Про майора Владимирова пока вообще не говорю. Спрашивается, как я их определяю? По сломанному носу? Но это заметно только у одного из них. Нет, я сужу по бровям. Боксеры, которые рефлекторно закрывают глаза во время атаки, своей или противника, пытаются бороться с этим именно за счет бровей, поднятых как можно выше, на самый лоб, и правильно делают. Это помогает. Предупреждаю, что сразу не получится, но тренировка поможет. А сейчас, как и полагается, начнем с разминки. Все упражнения повторять за мной, кто сколько сможет, поскольку способности у всех разные. Толк будет только тогда, когда вы перестанете себя жалеть. Я понимаю, что такое усталость, но без нее никакой пользы от ваших занятий не будет. Итак, сначала вокруг зала легким бегом. Делать это здесь, по сути дела, негде. Поэтому я предлагаю каждому из вас совершать пробежку дома, перед выходом на службу. Начинать можно с десяти минут, потом перейдете на полчаса, позже – на час. Итак, начали. – Я встал во главе строя и побежал.

Спецназовцы двинулась за мной. Скромные размеры зала не позволяли нам бежать ни в полную силу, ни даже вполовину таковой. Иначе офицеры, самые легкие на ногу, уже толкали бы в спины тех, которые отставали в общем строю.

Поэтому я скоро перешел на гусиный шаг. Само по себе это упражнение вроде бы и не выглядит достаточно важным. Однако в реальности гусиный шаг дает значительную нагрузку и на мышцы, и на дыхательную систему, и, самое главное, на вестибулярный аппарат.

На развитие вестибулярного аппарата я намеревался дать еще одно задание, упражнение, которое рекомендуется проводить как можно чаще даже дома. Следует выбрать точку на потолке, показать на нее пальцем и с поднятой рукой вращаться вокруг своей оси сначала в одну, а потом и в другую сторону. Это позволяет бойцу сохранять ориентацию в пространстве даже тогда, когда его атакуют несколько человек с разных сторон.

Казалось бы, упражнение пустяковое. Его выполнение в первые моменты вызывает только смех, особенно у человека, непривычного к нему. Мало кто может сохранять равновесие уже через десять секунд вращения. Но впоследствии оно будет продолжаться и минуту, и три, а равновесие останется на прежнем уровне. Это упражнение вместе с пробежками стало домашним заданием для офицеров. Я не был уверен в том, что их этому когда-нибудь учили.

Было у меня для них приготовлено и еще одно задание. Однако я решил припасти его на следующее занятие, поскольку пока не имел при себе того предмета, с которым необходимо было проводить это упражнение.

Я продолжил разминку, чередуя силовые упражнения, такие, например, как отжимание от пола, с расслабляющими мышцы. Когда дело дошло до боя с тенью на бегу, я обратил особое внимание офицеров на синхронность работы рук и ног.

– Какие мышцы у человека сильнее? Рук или ног? Понятно, что ног. С этим спорить бесполезно. Поэтому, когда вы бьете рукой, необходимо подключать ногу. Сам удар должен начинаться чуть ли не с носка ноги, волной проходить через все тело и завершаться в точке соприкосновения кулака с тем местом, куда он летит. Это очень важный момент, который следует постоянно контролировать.

Все это я проговорил, совершенно не задыхаясь. Тренированные легкие позволяли мне сделать это.

Но я тут же заметил, как тяжело дышит большинство моих новых учеников. В том числе и майор Владимиров. Ему не помогло спортивное звание, достаточно высокое в не таком уж и давнем прошлом.

Дышать тяжело все они начали после передвижения гусиным шагом. Это автоматически означало, что ходить так всем им придется больше, чтобы приподнять свою дыхалку на должный уровень.

– Америка не случайно считается Меккой современного профессионального бокса, – продолжал я свой монолог. – Он там и в самом деле находится на очень высоком уровне. Не случайно большинство чемпионов мира по происхождению американцы. Так вот, в США проводились исследования на силу удара. Причем в двух вариантах. При первом спортсмены просто били по специальной груше, фиксирующей силу удара, из привычной для себя стойки. При втором варианте они делали то же самое, но уже сидя на скамье. Разница была потрясающей. Сила удара отличалась чуть ли не в два раза. Самые заядлые нокаутеры порой вообще теряли до двух третей своей мощи. При этом обычные аутфайтеры, то есть бойцы, не обладающие нокаутирующим ударом и выигрывающие чаще по очкам, утрачивали очень мало. Этот пример доказывает, что боксеры-нокаутеры используют силу ног и всего тела, что невозможно сделать в сидячем положении. Вот и давайте учиться наносить удар по всем правилам. – Сначала я показал, как должна идти нога, потом объяснил, в каком положении в работу включается рука, и продолжил: – Все это вы должны отработать до автоматизма на боксерских мешках и грушах. Прошу к снарядам, на каждый мешок по два человека с разных сторон. Перчатки пока можно не надевать. Кулак требуется набивать. Для начала вы будете делать это в бинтах, потом снимете их и будете работать голой рукой. Но это только через недельку-другую, в зависимости от жесткости вашей кожи на кулаках. Это вопрос индивидуальный.

– А в парах мы работать сегодня будем? – раздался голос из строя.

– Чтобы работать в парах, нужно сначала научиться бить правильно. Нет. Работы в парах сегодня не будет, – ответил я.

– Товарищ подполковник, а я настроился сегодня провести с вами учебный бой. Боксер против рукопашника – это же очень интересно, – заявил майор Владимиров с нотками насмешливой провокации в голосе.

– Я тоже намеревался сегодня объяснить вам разницу между боксом и настоящей боевой подготовкой, но вижу, что вы после разминки едва дышите. Что же с вами в схватке-то будет?

– Это моя забота, – самоуверенно заявил Алексей Викторович. – На удар моя дыхалка не повлияет.

– Вы в себе уверены, товарищ майор?

– Да, вполне.

Я посмотрел на учеников. У большинства из них глаза горели в ожидании моего решения. Я просто обязан был привести им наглядный пример.

– Будем считать, что вы сами напросились. На себя пеняйте, – дал я согласие и осведомился: – В каких перчатках будем проводить бой? Или вообще без них обойдемся?

– Без перчаток я боюсь вас изуродовать. Даже в них. Есть у меня такие опасения. – Владимир улыбался, был вполне доволен собой.

Но он еще не знал, что я ему подготовил.

– А вы не бойтесь. Однако если настаиваете, то можно и в легких перчатках для ММА.

– Хорошо. Время – без раундов, до победы, хотя я уверен в том, что считать минуты не понадобится.

– Мне тоже так кажется, – согласился я, не сомневаясь в том, что говорю.

Он надеялся на свой возраст. Но я знал, что даже боксерские перчатки для тяжеловесов, которые весят на несколько унций больше обычных, не спасут его руки.

Защитить их хотя бы частично могло бы качественное тейпирование, то есть накладывание специальной текстильной или же липкой ленты на костяшки пальцев. Она оберегает суставы от повреждений при ударе, применяется в профессиональном боксе и смешанных единоборствах. Спортсмены-любители обычно обходятся простыми эластичными бинтами.

Однако у нас не было специалиста, который сделал бы это майору Владимирову. Да он и сам не рвался к этому.

Я натянул на руки перчатки, которые захватил с собой из тренерской, потуже затянул липучки. Владимиров попросил такие же у кого-то из офицеров. Тот даже помог ему натянуть их на крупные кисти. О тейпировании не шло и речи. Майор считал, что эластичного бинта будет достаточно. Сказывалась его любительская карьера.

Мне самому тейпирование тоже не требовалось. У меня костяшки пальцев были основательно, до жестких мозолей набиты на боксерском мешке. Точно так же, как локти и предплечья в местах примыкания их к кулакам. Порой мне самому казалось, что руки у меня – по крайней мере все бьющие поверхности – покрыты какой-то дополнительной защитой, чуть ли не бронированной.

Я первым шагнул на середину ковра и оттуда увидел, как к нам в зал вошел полковник Альтшулер. Майор Владимиров был выше него, тоже не низенького, и слегка наклонился, чтобы что-то ему шепнуть.

Следовательно, он будет выше меня почти на голову, когда я слегка присяду, чтобы пружинить, по своей привычке, на ногах. Что ж, я обязательно учту это обстоятельство.

Глава 5

Полковник Альтшулер жестом послал вперед майора Конопольского, который уже судил мою схватку с подполковником Балакиревым из ЦСН ФСБ России. Конопольский был судьей счастливым именно для меня, но не для моих противников.

– Леха, не подведи родное ведомство! – сказал Альтшулер, откровенно показывая свое предпочтение болельщика.

– Не сомневайтесь, товарищ полковник, – заявил Владимиров и самодовольно усмехнулся: – Мы быстро разрешим наш спор.

Мы традиционно пожали друг другу руки и разошлись в разные стороны ковра.

Со стороны майора Конопольского последовали обязательные вопросы относительно готовности, после чего он дал команду на начало схватки.

Владимиров, как недавно и подполковник Балакирев, передвигался на челноке, то есть легкими скачками вперед и назад. Я же привычно стоял на полных ступнях, совершал полукруговые движения и ожидал атаки противника. Но он все чего-то ждал, не набрасывался на меня.

Я решил ускорить ход событий, провел мощный лоу-кик по внутренней стороне его бедра и заметил, как майор поморщился. Видимо, мой удар оказался чувствительным. Он с высоты своего роста ждал, когда я начну сближение, чтобы встретить меня с двух рук, но я предпочел заставить его себя атаковать.

После второго пропущенного лоу-кика майор сообразил, что третий и четвертый просто заставят его ногу подогнуться, а сам он повалится на ковер. Он пошел-таки в атаку, на которую я его выдернул пугающим движением, имитирующим начало моего нападения. Майор Владимиров шагнул вперед и попытался пробить классическую двоечку, то есть сначала прямой удар левой, а потом, вдогонку, и правой.

Именно таких действий я от него и ждал, поэтому тут же подставил под удары свои локти. Вообще-то это считается классической защитой от прямых ударов. Разница заключалась в том, что я не стал входить на ближнюю дистанцию и наносить, как полагается в вин-чун, множественные и быстрые короткие удары в центральную линию человеческого тела. Это уже было бы лишним, слишком уж сильно смахивало бы на банальное добивание беззащитного противника.

После нанесения двух своих ударов майор Владимиров уже, что называется, сломался. Он присел на ногу, отбитую всего двумя лоу-киками, едва удерживающую вес его большого, весьма неуклюжего, с моей точки зрения, тела, зажал руки между коленями и скорчил жуткую гримасу боли.

– Вы, товарищ майор, ни разу в жизни, видимо, не боксировали до конца со сломанной рукой, – проговорил я.

Мой противник не сумел даже ответить на это заявление. Его охватила несусветная трудно переносимая боль.

– Недавно моя жена ударила в челюсть и полностью отключила мастера спорта по вольной борьбе, некоего балкарца Таппасханова. При этом она себе сломала руку в кисти. Я это место осмотрел, понял, что там перелом, но ей сказал только, что она сустав ушибла и выбила. Дело обошлось простой тугой повязкой. Через день жена уже работала на огороде. Так вела себя женщина, умеющая терпеть боль. Она офицер спецназа военной разведки. Капитанское звание получила только перед выходом в запас, а майорское ей даже не светило, но я все равно поставлю ее вам в пример, – врал я напропалую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.